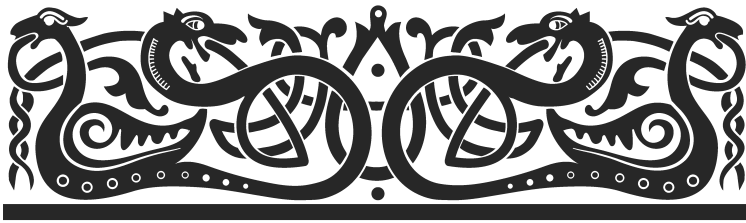

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

ГЛАВА 1

Осень доживала последние дни — вот-вот выпадет первый снег, замостит дорогу Зимерзле. Было раннее утро, сумерки едва начали рассеиваться, с неохотой уступая земной мир скупому осеннему свету.

Чуроборский князь Неизмир стоял на верхней площадке крепостной стены и смотрел вниз, во внутренний двор детинца. Там перед раскрытыми воротами конюшен сновали люди, ржали кони, звенели железом оружие и упряжь — дружина княжича Огнеяра собиралась на охоту. Весь Чуробор еще спал, даже на посаде виделось всего два-три дымка из печек самых усердных хозяек. Но дружине княжича не было дела до покоя чуроборцев. Собираясь, они громко спорили о предстоящей добыче, покрикивали на челядь, хохотали. Князь Неизмир кутался в теплый плащ из толстой шерсти, наброшенный поверх кафтана на соболях, и все-таки ему было холодно. Шапки он не взял, и стылый ветер шевелил его полуседые волосы. Ему было всего сорок шесть лет, но он чувствовал себя старым и больным. Особенно когда видел княжича или просто думал о нем. А о пасынке князь Неизмир думал постоянно.

Внизу резко скрипнула дверь. Отроки во дворе дружно закричали, взвыли по-волчьи. Князь невольно содрогнулся, хотя и был к этому привычен. Огнеярову дружину так и звали в Чуроборе — Стая.

На крыльце показался сам Огнеяр, на ходу оправляя широкий кожаный пояс, туго затянутый вокруг крепкого стана поверх накидки из косматого волчьего меха. Он был среднего роста и не поражал могучим сложением, но в каждом его движении видны были сила и истинно звериная ловкость. Длинные черные волосы княжича вольно раскинулись по плечам, шапок он не признавал, да и гребней не любил. В Чуроборе его прозвали Дивием¹, и он даже гордился этим прозвищем.

Вскинув ладони ко рту, Огнеяр протяжно завыл, затянул охотничью песню волка-вожака. На обоих его запястьях блестели широкие серебряные браслеты, серебряные бляшки покрывали пояс, серебряными накладками были усажены ножны охотничьего ножа. Вместо меча, приличного воину, за пояс Огнеяра была заткнута рукоять боевого топора с серебряной насечкой на обухе.

Отроки радостно завывали вслед за вожаком, самые молодые даже заскудили, как волки-перяярки, в азартном предвкушении большой добычи. Кони во дворе и в конюшнях тревожно заржали, по всему детинцу и даже на посаде залаяли собаки. Неизмир ненавидел шум, сопутствующий всем Огнеяровым развлечениям, но был благодарен судьбе хотя бы за то, что из-за пристрастия пасынка к лесам он не так уж часто видит его дома.

Один из отроков подвел Огнеяру коня, и княжич прямо с крыльца вскочил в седло. Его любимый серый жеребец Похвист грыз удила и переступал копытами — рвался в дорогу. Дворовая челядь поспешно растворяла ворота. Отроки вскакивали в седла — все как один в плащах из серой шерсти поверх волчьих накидок, все без шапок, с длинными волосами, у кого связанными в хвост, у кого перехваченными тесемкой через лоб, у кого, как у княжича, распущенными вольно — от глаз ветром отдует. Издалека они все казались одинаковыми, но князь быстро выбрал взглядом одного. Круглолицый русоволосый парень с густыми черными бровями выпрямился в седле, словно почувствовал взгляд Неизмира, но не

¹ Д и в и й — «дикий».

ГЛАВА I

обернулся. И князь торопливо отвернулся, боясь взглянуть все дело. От этого парня сейчас зависело слишком многое. Может быть, сама судьба князя Неизмира.

Рывком послав жеребца вперед, Огняр первым вылетел со двора. Отроки плотным косяком поскакали за ним. Неизмир проводил глазами Огняра, с соколиной цепкостью сидящего в седле. Хвост жеребца мелькнул в воротах, грохот копыт прозвучал по мощенным деревянными плахами улочкам детинца и затих возле посадских ворот. Стая умчалась. А князь Неизмир еще некоторое время постоял на забороле, глядя на улицу за воротами, словно хотел навсегда запомнить отъезд Стаи. Он надеялся, что сегодня видел это в последний раз.

С оглушительным топотом и свистом дружина Огняра промчалась по детинцу и посадку — воротники едва успевали давать им дорогу, — вылетела из Чуробора и поскакала по замерзшей грязи в сторону темнеющего леса. Разбуженные шумом чуроборцы осенялись знаком огня и облегченно вздыхали. Теперь княжича и его шальной Стаи не будет несколько дней, а то и недель. И многие, подобно князю Неизмиру, желали бы больше никогда его не видеть.

— Не в добрый час княжич на лов собрался! — говорили воротники, провожая глазами улетающую Стаю. — Ведь ныне Лешачий день — вся нечисть лесная так и хороводится!

— Вот ему там и самое место! — отвечали им другие. — Где нечисть, там и он. Хоть бы ему там голову свою дурную сломить!

— Поберегись! К живому-то мы уж приладились, на дороге не зевай — и не затопчет. А вот что он мертвым станет творить?

Ответить на этот вопрос не взялся бы ни один чародей. Собеседники умолкали, осеняя голову знаком огня и держась каждый за свой оберег. Все-таки на сердце было легче при мысли, что в ближайшее время Серебряного Волка не будет в Чуроборе.

Княжич Огняр был оборотнем, рожденным княжной Добровзорой от Огненного Змея. Не все в это верили, но князь Неизмир знал, что это правда. Двадцать лет назад все случилось у него на глазах. Был сумрачный вечер месяца капельника, но вся капель уже замерзла, прихваченная холодом подступающей ночи. Княжна

с подругами гуляла по берегу Белезени и уже направлялась домой. Неизмир, тогда еще молодой сотник в дружине князя Гордеслава, с десятком отроков провожал княжну. Вдруг земля дрогнула под ногами, резко свистнул холодный ветер, и из-под обрывистого берега вылетел огненный шар. Истошно закричали женщины, отроки по привычке схватились за оружие, но руки-ноги у всех онемели, никто не мог даже двинуться. Огненный шар развернулся и принял очертания летящего Змея. Молнией Змей пал на застывшую в ужасе княжну и поглотил ее, завертел в столбе ослепительного пламени, а потом мгновенно рассыпался искрами и исчез. Княжна осталась лежать замертво на сыром холодном берегу среди полурастаявшего снега. Все произошло так быстро, что случайные свидетели даже не все успели обернуться на крики. Но тем, кто стоял рядом, казалось, что этот ужас длился нескончаемо долго.

Княжну не чаяли найти живой, но она дышала, только очень тихо. Три дня и три ночи она оставалась без памяти, металась, рвала на себе рубаху и бессознательно просила воды, льда, снега. Ее сжигало подземное пламя, и ни лед, ни самая холодная ключевая вода не могли облегчить ее жажды. Ведуны и чародеи не знали, как ей помочь, и сами побаивались с ней оставаться. Волхвы уже стали поговаривать, что Велес требует княжну в жертву, предрекали беды. Князь Гордеслав наполовину поседел за эти три дня. А на четвертое утро княжна пришла в себя и постепенно поправилась. Но никому и никогда она не сказала ни единого слова о том, что было с ней внутри огненного столба.

А через пару месяцев обнаружилось, что она ждет ребенка. Сначала об этом зашептали женщины княжьего двора, потом заговорил весь Чуробор. Не все верили, что ребенка дал княжне Огненный Змей. А князь Гордеслав не знал, как было бы лучше — окажись отцом Велес или попросту кто-нибудь из молодых чуроборских витязей, хоть тот же Неизмир, открыто восхищавшийся красавицей Добровзорой. Но сам-то Неизмир знал, что он здесь ни при чем.

Младенец родился в зимний Велесов день, завершающий новогодние праздники. Взяв дитя в руки, бабка-повитуха вдруг охнула

и чуть не выронила — вдоль его спинки тянулась полоска серой шерсти, мокрой, нежной, тонкой, как у новорожденного щенка. Или волчонка.

И тут уж всем стало ясно, что среди молодых витязей виновного искать нечего.

В Чуробор призвали самого мудрого из волхвов-прорицателей всех лебрических земель, прозванного Двоеумом. Он долго смотрел в воду перед огнем со священными травами, накалил в пламени клинок ножа и читал на нем знаки, невидимые обычному взору.

— Сам бог Велес, Подземный Хозяин, явился твоей дочери Огненным Змеем, — наконец сказал он Гордеславу. — Послал Велес в мир земной своего сына и твой род избрал для него. И вижу я в знаках Огня, что непроста будет его судьба. Послал его Велес не впустую, есть у него назначение — принести смерть одному из властителей мира земного. А кому — того не открыли мне боги. Вижу я, что здесь битва богов продолжается, битва Перуна и Велеса. Более ничего не открыто мне.

Рождение Огнеяра вызвало много толков в Чуроборе, во всех лебрических землях и со временем во всех говорлинских племенах, куда слухи доставлялись вездесущими торговыми гостями. Многие склонялись к мысли, что младенца следует если не пустить по водам на волю его отца-Велеса, то, по крайней мере, отдать на воспитание в святилище, где он опять же служил бы своему божественному отцу. Но княжна Добровзора с самого рождения полюбила сына больше всего на свете и не желала расставаться с ним, а князь Гордеслав не мог огорчить свою дочь и единственную наследницу.

Через полгода после рождения внука князь Гордеслав выдал дочь за Неизмира, и тот стал наследником чуроборского стола. Неизмир происходил из знатного воеводского рода, из числа его предков лебричи неоднократно избирали себе воевод, и он был достойной парой Добровзоре. Но любила она другого человека, и Неизмир знал, что почетным жребием обязан только Огнеяру. Вернее, его появлению на свет, после чего женихи отшатнулись от красавицы Добровзоры — соперничать с Велесом никто не хотел.

В год смерти деда Огнеяру было всего шесть лет, и никто еще не знал, что из него получится. Оборотни и подменьши не живут долго, и люди ждали, что сын княгини умрет, не дожив и до семи лет. Но он жил, словно назло общему толку, рос здоровым и крепким, смелым и задиристым. В детских потасовках, а потом в подростковых воинских учениях он побивал не только всех сверстников, но и противников старше себя. Он был азартен, ловок, неутомим, настойчив до упрямства, свободолюбив и непокорен. Отчима он не ставил почти ни во что, и только мягкосердечной и ласковой княгине удавалось поддерживать мир между сыном и мужем. Кроме матери Огнеяр уважал только деда Гордеслава, а после его смерти очень чтил его память. Для посвящения в воины отчим заказал для него меч, но от меча Огнеяр отказался и потребовал дедову секиру. С тех пор он не расставался со своим оружием, и вид его каждый день заново напоминал Неизмиру о неповиновении пасынка. В этом он видел прямое неуважение к себе, но молчал, не изливая недовольства даже перед женой. С самого детства в глазах Огнеяра был заметен багровый отблеск Подземного Пламени, противного Небесному Огню. Каждый, кому хоть раз случалось заглянуть в глаза сыну Велеса, уносил в сердце трепет и страх перед его полубожественной-полузвериной мощью. Даже князь Неизмир.

У княжеской четы не было другого потомства — видно, Велесово пламя выжгло Добровзору и больше иметь детей она не могла. Как видно, Велес не хотел, чтобы у его сына были братья. Вся страсть материнской любви княгини была отдана единственному сыну, так что даже на долю мужа в ее сердце оставалось не много места. И это было еще одной причиной, мешавшей Неизмиру питать к пасынку добрые чувства. Двадцать лет он жил под одной крышей с Огнеяром, скрывая страх, замечал красные отсветы в его глазах. И двадцать лет он думал, не его ли жизнь пришел оборвать сын Велеса. Этот страх лишал князя всех радостей жизни, сделала саму жизнь невыносимой. И вот сегодня, проводив пасынка на охоту, Неизмир надеялся, что этому придет конец.

ГЛАВА I

* * *

Выехав в поле, Огнярова Стая прекратила свист и вой — зачем пугать дичь раньше времени. Сам Огняр скакал впереди, выбирая дорогу, и никто из отроков не давал советов и не приставал с вопросами. Вожак во всем разберется сам. Огняр с удовольствием подставлял лицо свежему, прохладному ветру, жадно вдыхал запахи инея на ветках, прелой листвы, еловой хвои. Пришла наиболее им любимая пора года — предзимье, время первого снега, когда так хорошо видны следы. Земля теперь заговорит в полный голос — где проскакала молодая куница, где прошел старый кабан. Но до поры глубокого снега, по которому не побегаешь, еще далеко, и все дороги открыты перед тобой — лети куда глаза глядят. Зима раскрывала белый свет на все четыре стороны, на все семьдесят ветров. В эту пору Огняра почти не видали дома. Между белым снегом и темным небом он чувствовал себя свободным и сильным. И сейчас, предчувствуя близкий снегопад, Огняр готов был выть от восторга, гнать и гнать жеребца без остановки до самого края света.

Возле дубравы Огняр придержал коня, повернулся по ветру, незаметно для взгляда потянул ноздрями. Чуткости его нюха мог бы позавидовать настоящий волк. Воздух для него был соткан из десятков и сотен запахов, и каждый он с легкостью читал, как умелая вышивальщица читает священный узор. Из дубравы явственно несло густым, теплым, дразнящим запахом кабанов. Огняр различал запахи, как ветки в банном венике, знал, сколько здесь кабанов и какие они — охота обещалась славная. Вот и следы, хорошо заметные на подмерзшей грязи. Взмахом руки Огняр послал свою Стаю в обход дубравы. Каждый отлично знал свое место и свою задачу.

Растянувшись редкой цепью, Стая охватила дубраву полукольцом, и по данному знаку два десятка молодых волков взвыли за деревьями. Не то что кабаны — настоящие волки не отличали голоса Огняровых отроков от голосов своих братьев. Выпевая охотничью песню, отроки шли через дубраву, а впереди них ломилось перепуганное стадо, наевшееся желудей, — прямо на рогатины оставшегося десятка, где был и сам Огняр.

Вдруг из глубины послышался голос одного из загоняющих:

— Братцы, медведь!

— Берлога! — закричали другие. — Медведя подняли!

Огнеяру уже не нужны были слова — в порыве ветра со стороны рощи он и сам уловил запах взрослого, сильного медведя. В досаде Огнеяр закусил нижнюю губу — этого он не ждал. Бовер глупый, да вон же затес на стволе — а ростом Хозяин на две головы повыше тебя, Дивий, вон куда достал!

Из рощи слышались треск веток, рычание зверя, разгневанного нарушением его первого предзимнего сна. Только-только он нашел себе уютное местечко, сгреб мягкую охапку листвы и веток, залег и мирно задремал, дожидаясь теплого снежного одеяла, а тут нá тебе! Свирепо рыча, медведь ломился к опушке, туда, куда его невольно погнали загонщики.

Отроки на опушке изготовили рогадины, но Огнеяр резко махнул рукой.

— Не тронь! Назад все! К лошадям! — крикнул он, и отроки отошли ему за спину, к лошадям, привязанным в нескольких десятках шагов от опушки.

Кто-то протянул ему рукоять рогадины, но княжич отмахнулся: не надо.

Медведь вырвался на опушку. На задних лапах он был выше на голову даже Тополя, самого рослого из Огнеяровых отроков. На опушке он ненадолго остановился, приняюхиваясь. В нос ему бил запах кабанов, коней, людей и волков. Со сна он был зол, а соображал плохо. Зажатый между врагами позади и впереди, медведь собирался драться за свою жизнь. Одно движение — и он яростно ринется напролом, не разбирая дороги и круша всех на своем пути.

Но сейчас перед его подслеповатыми глазками был всего один противник. Из оружия с Огнеяром был только нож в посеребренных ножнах.

Тот, кого князь Неизмир провожал глазами, подумал, что, может быть, Лесной Хозяин избавит его от хлопот. Медведь силен и зол — без рогадины против него не устоять.

ГЛАВА I

Ожидая медведя, Огняр подобрался, в нем проснулась его звериная сущность — он стал смотреть как зверь и думать как зверь. Волк и медведь — не враги, двоюродные братья по деду Велесу, близкая лесная родня. Огняру не нужна была смерть Лесного Хозяина, и он хотел попробовать договориться.

Из горла его вырвалось глухое рычание. Медведь повернулся к Огняру. Он видел плохо, а в нос ему бил резкий запах волка. Огняр смотрел прямо в маленькие медвежьи глазки, взор его загорелся красным. И медведь увидел на его месте не человека, а волка — молодого сильного волка с гладкой серой шерстью и крепкими зубами. «Не сердись, хозяин, — уловил он в тихом рычанье и удивился — далеко не всякий волк мог говорить по-медвежьи. — Я не на тебя охотился. Не знал, что ты тут зимуешь».

«Не учуял — нос заложило? — гневно прорычал медведь, готовясь ударом когтистой тяжелой лапы отбить прыжок. — Вот подойди только!»

«Кабаны запах перебили. Я не со злом. Я уйду. Спи себе».

«А ты потом опять явишься со своей стаей? Когда я спать буду?»

Медведь угрожающе подался к Огняру. Отроки стиснули рукояти рогатин, но не двинулись с места.

«Велесом клянусь — не приду. Будь мне другом».

Злоба в глазах медведя погасла. Он услышал Слово, которому не мог не подчиниться. Став опять на четыре лапы, он повернулся и скрылся в чаще.

«Договорились», — с облегчением подумали отроки. И никого это не удивило — многие видели и не то. Сын покровителя лесных зверей понимал языки всех звериных и птичьих племен и на многих мог говорить сам. В Чуроборе любили поболтать о том, что, дескать, на ловах княжич всю свою дружину превращает в волков или соколов, но это была неправда. Превращать людей в зверей Огняр не умел. Однако, если кого-то из его отроков об этом спрашивали, никто не спешил опровергать эти толки. Утреч, мастер поговорить, сочинял такие басни, что слушатели его раскрывали

рты. Даже самому Огнеяру порой случалось заслушаться воображаемыми рассказами о собственных небывалых делах.

— А знатная зверюга! — с сожалением сказал Утреч, веселый светловолосый парень и страстный охотник, провожая взглядом скрывшегося в чаще медведя.

— Не на него шли! — ответил ему Огнеяр, подходя ближе. Он дышал чуть чаще обычного и на ходу утирал тыльной стороной ладони взмокший лоб. — Кабаны — они свиньи и есть, их Велес и развел нам на пропитание. А Хозяин — дело иное, его просто так, спросонья, бить не годится!

«Родич, стало быть!» — улыбаясь, подумал Утреч, но вслух ничего не сказал.

— Жаль — свиней-то упустили! — вздохнул Тополь, высокий, прямой, стройный парень.

— Не последние! — утешил его Огнеяр и стал отвязывать Похвиста. — Чего встали? Давай догоняй!

* * *

На третью ночь после отъезда из Чуробора Огнеярова Стая остановилась на займище рода Моховиков, неподалеку от берега Белезени. Две ночи они провели под открытым небом возле костров, но сегодня Огнеяр, оглядев небо и принюхавшись к ветру, определил, что ночь будет очень холодной. А зачем напрасно мерзнуть, если можно поспать в тепле?

Хозяева приняли Огнеярову Стаю с опаской, но отказать в гостеприимстве не могли — и с князем поссоришься, и соседи застыдят. Чуроборского княжича знали по всей Белезени, по всему племени дебричей. Никто не мечтал принимать его у себя, но тех, кто принимал, потом долго осаждали рассказами.

На займище в кольце бревенчатого тына стояло по кругу шесть-семь изб. Из каждой дверной и оконной щели выглядывали блестящие любопытством глаза женщин и детей. А двор займища наполнился шумом, топотом и ржаньем коней, которых привязали

к крылечкам по всему двору, звоном оружия и упряжи, голосами чурборцев.

Огнеяра и его отроков провели в беседу — обширную, вдвое больше обычного избу, где осенью и зимой девицы и женщины собирались на посиделки, мужчины — на советы, где останавливались княжеские сборщики дани, заезжие купцы и, вообще, кому придется. В открытом очаге посередине развели огонь, отроки стали жарить добытого по пути оленя. Вторую тушу Огнеяр отослал старейшине в благодарность за гостеприимство.

Вскоре к ним стали понемногу заходить хозяева — кто принес кваса, кто брусники, кто капусты и репы. На самом деле всем очень хотелось посмотреть на княжича поближе — он еще не бывал у Моховиков, а наслышаны они были о нем порядочно.

Явился и сам старейшина, Взимок, старик с густой и широкой седой бородой, шуплый и разговорчивый. Подарок успокоил его тревогу и раздражил любопытство.

— Ко времени олень ваш пришелся, благо вам буди! — говорил он, усевшись на край лавки у очага, под охраной родовых чуров. — У нас веселье нынче, всю родню угощаем.

— Что же за веселье?

Огнеяр сидел прямо на полу возле горящего очага и поглядывал на старейшину снизу вверх, но это его не смущало. К тем досадным условиям, что называются княжеским достоинством, он всегда был равнодушен. Гораздо больше смущался сам Взимок, вынужденный сидеть выше княжича. Все хотел встать, но терялся, не в силах сообразить, как следует держать себя с чурборским оборотнем. Отблески огня играли в темных глазах княжича, и мороз пробегал по коже Взимока от одного их взгляда. Старик так напугал сам себя слухами и тревожными ожиданиями, что теперь видел признаки дурной ворожбы там, где ее вовсе не было.

— Сговор у нас нынче! — важно отвечал Взимок, стараясь не показать, как ему неуютно. — Дочку нашу приехали сватать из рода Лисогоров, вот и сговорили их нынче на добрый век.

— То-то я чую — пивом и медом малиновым пахнет! Что же нас не позовете? — живо спросил Огняр. — Мы песни славно петь умеем, а?

Княжич бегло окинул взглядом своих отроков, и они одобрительно засмеялись. В Чуроборе они не пропускали ни одной свадьбы, и часто после этого «с прибылью» оказывалась не только новобрачная.

— Да, того... — Старейшина замялся. — У нас в роду обычай от чуров идет — сговоренной невесты никому не показывать, из избы не пускать. А то...

— А то я темным глазом испорчу! — досказал Огняр то, что сам Взимок не смел произнести. — Не робей, старче, я и не то слышал. Не хотите невесту показать — не надо, ваше право. Скажи только, когда свадьба — тура с лова вам пришлю.

— Спасибо, княжич! — Взимок с облегчением поклонился. — В Макошину Неделю свадьба, на второй день. Сейчас пирогов вам еще пришлем.

Взимок поклонился еще раз и пошел к дверям, перешагивая через охапки соломы для ночлега гостей.

— Гусли пришли! — крикнул Огняр ему вслед.

Вскоре в сенях снова закрипели двери и зазвучали шаги. В истобку вошли три девушки, видно, самые смелые или самые любопытные во всем роду. Они несли целую гору пирогов в деревянной кадлушке, накрытой вышитым рушником, а провожали их два парня. Один нес гусли, заботливо завернутые в кусок медвежьей шкуры.

Отроки оживленно загомонили, радуясь девушкам еще больше, чем пирогам, вскочили с мест, освобождая дорогу к столу. Смушаясь и краснея, девушки выложили пироги на стол и хотели идти, но отроки их не пускали.

— Посидите с нами! — наперебой кричали отроки. — Мы не обидим! Про Чуробор расскажем! Песни споем! Уважьте гостей!

Девушки переглядывались, теребя обереги на груди, и сами не знали, уйти им или остаться. Чуроборские отроки вызывали опасе-